

Алексей ПОРВИН

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М.: Арго-Риск, 2009), «Стихотворения» (М.: Новое Литературное Обозрение, 2011), «Live By Fire» (Cold Hub Press, 2011), «Солнце подробного ребра» (СПб.: ИНАПРЕСС, 2013) и «Поэма обращения. Поэма определения» (СПб.: MRP, 2017). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

СТИХИ ПАМЯТИ О. Ю.

Прожорливый камень: внутри него
причине сквозняка входного – пылать,
то в трубе ожиданием копотным воя,
то золой оседая на темень платья.

Заслонок бежать, назначать их лязг
последним ритмом, означающим лаз
к тишине: полотном ли дверным затопили
истукана, дающего силы?

От сердца людского откусит печь
ночные всполохи: доныне блохи
не обидели в деле пылающей речи,
а сегодня на их стороне стихия.

На месте укуса сочишься, слог,
а лучше ливнем задымлённым приляг
как замена минуты в ладонях, какими
не сжимать драгоценное имя.

Цепкостью заменив многосилие чувств,
обрывали ягоды, бросали в голод
ртовый, помнящий эту фразу лучу:
нечего слушать душу иголок.

Соснами продлевалась земля в тишину,
где полёт испачкан непосильным дымом –
знай, колющее тело древа: войну
трудно вместить огнём нелюдимым.

Знавшие, чем вбирать переменный ответ,
и не взглянут на дивизию побережья,

дрождь хотят сохранить, как будто в родстве
звенья иные больше не брезжат.

Шарили по кустам, собирали озноб
перезрелый, истекающий пейзажем,
словно соком: смотри, измазала лоб
птица себе простором, как сажай.

Чей выпотрошен вдох, лежит рекой попятной
и просит называться кое-как:
ему бы выбрать имя, но вокруг нещадный
встаёт простор, переходящий в знак.

Когда оттают льды, освободится всякий,
прозрачностью захваченный: тепло
стремится к небу и земле, воздав двоякий
прибрежный путь, что назван «ремесло».

Кусочки говорят (да, воздух на кусочки
разбит одним ударом, ставшим *весть*)
друг другу только свет, чуть заострённый к ночи,
вспоровший всю готовность помертветь.

Пузырики во льду рассыпаны, как щебет,
в который видно темень? Глубину?
Пузырики, вам поры в ленинградском хлебе
нашёптывают тёплую вину.

Лучи не спешат отстирать мазут:
уборка территорий, звуком своим твори
ступени, по которым до рассвета уйдут
кусочки музык знать другие пустыри.

Небесной складкой, сглаженной уже,
бывала речь, неровностью пернатой,
но после стирки всё расправилось в душе,
и тканям – гладью быть, рисунком сада.

Стремиться к чему – уравнилась высь
с низинами: один и тот же материал
выталкивает воду, на верёвке повис,
сплетённой из всего, что человек не знал.

К метле прильнут обрывки словаря:
шуршанье, по тебе взбираться к сердцу
умеют: ливень, листья, чувство – несмотря

на небо, что решило отвисеться.

От облака отрезана тропа завываньем,
ветер подвержен правде сгорания вглубь,
лучик ночной прозревает мгновеньем
ухода от происков, но во мглу –

Раскопки излучают затмеваемый город,
тяпочный лязг не ярче, чем разговор,
в яму ведёт балаган крутогорый,
песчинки бесшумно галдят в простор.

Из этих клоунов, из черепка шутовского
армию сплавить, пламя себя раздув,
нынче песок не чурался отлова
и сыпался сам, позабыв звезду.

Обломки Аполлона – никому полководцы,
зренье своё обломкам дадут дожди,
сердце с последней атакой сживётся,
где с небом срастутся твои пути.

Въедливо трогают пылинки
означающий шорох трав,
а чтенью одни лишь блики
подвластны, себе решимости набрав.

Светом ли выбран вновь окольный
человек? На его благих
обочинах слишком больно
пылится ковыль, не дышащий ни зги.

Норы, залепленные пеплом,
запечатанный плотью крик,
вы – письма, в каких окрепло
стремление адресоваться напрямик.

Выдох – замена зренью если,
то увидеть легко следы
идущего: не исчезли,
не стали душой прочитанной беды.

Плевков, лети неожиданной белизной,

как память о зиме, что всякой боли тверже,
скелет прочнейший или временной
потребен тишине, себя разверзшей?

Пусть люди вслед за маленьким теплом
сжимают челюстями всё, что не проходит
со временем, спешащим в долгий дом:
пропеты стены облачной свободе.

Прозрачны челюсти весны: жуют
капельным рядом звонкой красоты резцовой –
любые льды, что в помысле живут
(в глаза сомненью выплюнуто слово).

Кто буквы складывал в холодном рту,
надеялся на значимый жевок весенний –
строку вживлял в дневную пустоту;
строка есть кость для бесхребетной тени.

Находка – ерунда, комок любви латунный,
забывший форму пули и просящийся в огонь:
«я позвучу, как слово, правдой накануне
великих перемен: сомненье, сгинь».

Здесь каждый лист наточен: лишь бы воздух легче
взрезать как пласт земельный, продвигаясь в глубину,
поближе к выдоху, что корнем лёг на плечи,
обвив последнюю войну.

Вздывалось небо нерассказанной мозолью
когда? Когда бывала речь облезлым черенком
лопаты, отзвеневшей почвенную волю
в разрытом веке золотом.

Задержан высотой остаток листопада,
переплавляется сквозь шелест, к смыслу несводим,
покажет, как среди пейзажного упадка
воспрянуть временем своим.

Лекарство срезанной траве найти бы:
воспрянет, ухватившись за восток
молчаливым корневищем, сделанным из глыбы
людской покорности, решившей так –

«Шуршат страницы, падая под взглядом,
заточенным о воду лучше, чем

о душу ближнего: ты, небо, падай следом,
скопившись в проговоренном луче.

Тебе ли светит мрамор, чтобы легче
нашарен был словарный сенокос...
А кто стога от неподвижности излечит,
подняв их ближе к сердцу, как вопрос?

Держаться поздних клёнов индевелых,
по-римски взявшихся белеть в слова,
в каких, как в поле, темноту несут на вилах,
свой голос колосившую едва».